

---

ДИСКУССИЯ

---

## ПСИХОЛОГИЯ НА ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ПРАКТИКИ

© 2012 г. Т. А. Жалагина\*, Е. Д. Короткина\*\*

*\*Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии труда, организационной и клинической психологии ТГУ, Тверь*

*\*\*Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, социальной работы и социальной психологии ТГУ, Тверь*

Рассматриваются особенности современного этапа взаимодействия фундаментальной психологии и профессиональной практики. Анализируются социальные и методологические причины дистанцирования исследовательской и практической психологии. Обосновывается необходимость поиска и обсуждения новых моделей практического использования психологического знания.

*Ключевые слова:* фундаментальная психология, психологическая практика, взаимодействие, локальная и синтетическая модель, тип научного знания, эксперимент.

Современный этап развития российского общества характеризуется влиянием изменений, которые произошли в стране за последние 20 лет. Рыночная экономика пронизала всю структуру социальных отношений, разрушила сложившиеся устои, изменила взаимоотношения внутри социальных групп. Все это затронуло самые важные сферы жизнедеятельности человека от производства, сферы услуг, торговли до ключевых направлений развития общества – образования, науки, здравоохранения и культуры.

Такая ситуация не могла не отразиться на взаимодействии фундаментальной науки и практики. Именно этой проблеме посвящена статья А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова “Фундаментальная наука и практика: проблемы и тенденции взаимодействия” [3]. Прежде всего хотелось бы отметить актуальность данной темы, поддержать ее обсуждение и направления анализа, предложенные авторами. Дистанцирование фундаментальной психологии и профессиональной практики сегодня является крайне актуальной социальной и методологической проблемой, а ее разрешение предполагает широкое обсуждение и привлечение всего психологического сообщества. Как верно отмечается в статье, тема практической релевантности фундаментальных исследований на протяжении десятилетий волнует психологов, стремящихся увидеть пользу от своих исследований [3, с. 5].

В течение многих веков любая область научного знания базировалась на четком теоретико-методологическом постулате. Его суть заключалась в том, что любое новое знание должно быть концептуально обосновано, доказано экспериментом и только после этого внедрено в практику. Здесь хотелось бы упомянуть известную всем психологам концепцию создания совершенного теоретического объекта по Е.А. Климову, согласно которой соответствующие научные методы (интерпретация, индукция, генерализация и т.д.) из полуобъектов (эмпирических и теоретических) позволяют получить современный объект теории [4, с. 222–223].

Серьезные изменения, произошедшие в современной российской действительности, отразились и на психологическом знании. Их показателем, например, стало стремительное развитие психотерапевтической практики, которая “...в конце XX века бурно разрослась количественно и охватила новые сферы ... оказавшиеся весьма востребованными в обществе” [3, с. 6]. Сложность нахождения выхода из трудных социальных и психологических ситуаций заставляла искать новые пути их преодоления. Психотерапия многим казалась единственным источником нового практического знания, которое реально могло помочь решить имеющиеся проблемы. В стране появился огромный частный сектор психотерапевтических услуг, в котором без получения каких-либо официальных разрешений (лицензий) специалисты и случайные люди занимаются частной практикой, имея при этом весомый финансовый доход. В такой среде вряд ли существует потребность в фундаментальной психологии. Сложилось мнение, что о ней можно совсем забыть – наработанные методики, технологии, программы казались хорошим и, как предполагалось, долгосрочным инструментом зарабатывания денег. При столь широком распространении практической психологии возникает поразительная неразборчивость и стирание границ и критериев профессионального подхода. Как пишет В.А. Мазиллов, психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно “теорий”, но только не из концепций научной психологии [5, с. 24].

Однако в русле глобальных общественных изменений появляются “макропсихологические” проблемы, которые требуют своего разрешения, а главное – обоснования.

В настоящее время можно говорить о том, что рождается новый этап взаимодействия фундаментальной психологии и практики. В ситуации социально-экономических перемен в российской действительности психологическая практика становится основанием для появления новых целей и задач развития фундаментальной науки. Какая мо-

дель будет лежать в основе такого взаимодействия и к каким последствиям это приведет? Чтобы получить хотя бы приблизительный ответ на этот вопрос, необходимо рассмотреть имеющиеся модели, проанализировать возможности их использования в соответствии с новыми веяниями времени и обозначить перспективы получения нового психологического знания, а, может быть, и комплексной модели взаимодействия.

За время своего существования психология стала одной из ведущих гуманитарных дисциплин: не вызывает сомнения ее значение как для развития теоретического знания, так и для решения разного рода практических проблем. Сложность явлений, изучаемых психологией, неизбежно порождает многообразие подходов к изучению психологической реальности. Эти подходы имеют различные идеалы научности в своей основе [5, с. 26].

Проблемами соотношения теории и практики успешно занимался известный отечественный психолог Я.А. Пономарев. В статье А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова достаточно подробно рассматриваются основы методологии Я.А. Пономарева относительно типов научного знания: созерцательно-объяснительного, эмпирического и действенно-преобразующего [3, с. 7]. Основной акцент делается на двух последних типах, "... которыми характеризуется поведение человека...", а "... для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая локальный характер" [там же]. Далее, на следующем этапе происходит "синтез или интеграция локальных моделей ...", появляется "... континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетическим" [там же]. Таким образом, происходит соотнесение понятий "локальности" и "глобальности" с точки зрения "... вовлечения целостной личности". Локальные модели призваны решать локальные практические задачи (приводится пример инженерной психологии), а глобальные связаны "... с вовлечением целостной личности", как это происходит в психотерапии. Данные рассуждения представляются весьма интересными. Они подкрепляются примерами научных работ сотрудников ИП РАН, а также сопровождаются очень интересными выводами относительно, во-первых, значимости локальных моделей, используемых в качестве ... дополнительного инструмента в деятельности профессионала" [там же, с. 8], и, во-вторых, необходимости развития интегральных процессов имеющих локальных и создаваемых глобальных моделей. Таким образом "... фундаментальная наука разрабатывает схемы, которые ориентируют психолога (консультанта и специалиста), ... снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного или оптимального действия" [3, с. 9].

Значимость и справедливость представленных Я.А. Пономаревым моделей не вызывает сомнения. Сегодняшний день российской психологии, если рассматривать психотерапевтическую практику, является ярким примером наличия большого количества локальных моделей, существующих разрозненно и нуждающихся в фундаментальном обосновании для создания глобальных моделей в виде единой объединенной парадигмы "вовлечения целостной личности". Психологическая практика ставит новые задачи исследования для фундаментальной психологии и, таким образом, еще раз доказывает существующую модель развития общества по спирали: фундаментальная психология → эксперимент → практика → новая задача → эксперимент → фундаментальная психология и т.д. Причем, как считает Я.А. Пономарев, постановке "новой задачи" необходимо уделять особое внимание. "Задача должна быть связана с практикой (трудовой или педагогической); ее следует представить в довольно-таки простой и понятной форме; задача должна быть наглядно-действенной и интересной" [6, с. 10–11]. В основе представленной модели лежит творческий подход, так как, по мнению автора, именно творчество представляет единство взаимодействия и развития, что в свою очередь служит основой "эволюции типов знания" [там же, с. 450].

Анализируя различные позиции относительно методологического статуса психологии, А.Л. Журавлев и Д.В. Ушаков приходят к выводу о том, что вопрос о типах и принципиальных моделях практического использования психологического знания нуждается в дальнейшем глубоком изучении и профессиональном обсуждении [3].

Можно признать, что в психологии существуют различные типы отношений между теорией и практикой (например, индивидуальное по своим целям, эпистемической и методологической организации консультирование отличается от использования психологии для массового воздействия) [2, с. 79]. Многообразие и разнородность современной российской психологии усугубляется и тем, что государство потеряло монополию как на подготовку психологов, так и на их трудоустройство. В подобных ситуациях продуктивнее рассматривать внутреннее многообразие как ресурс и обсуждать формы его использования. Необходимо также осознавать и оценивать риски такого положения дел и возникшие в связи с ними проблемы [там же].

Существуют и другие подходы к анализу проблемы расхождения фундаментальной психологии и практики. В работах известного философа и культуролога В.М. Розина в наиболее последовательной форме высказываются сомнения в возможности существования психологии как естественной науки, опирающейся на определенные законы. По мнению ученого, психолог всегда выступает от лица конкретного сообщества, в которое он входит и чьи представления разделяет [7, с. 100].

Вопрос о том, может ли психология строиться по образцу естественных экспериментальных наук

или же особенности ее задач таковы, что они требуют другой познавательной стратегии (например, понимания, а не объяснения), продолжается с момента возникновения психологии как самостоятельной области знания. Хотя в последнее время все больше профессиональных психологов начинают сомневаться в привлекательности естественно-научного подхода в развитии психологии, на этот вопрос нельзя ответить однозначно. Обе позиции имеют достаточно серьезные основания; вопрос о соотношении в психологии естественно-научных и гуманитарных подходов не может быть решен простым выбором между “науками о природе” и “науками о культуре” [2, с. 78]. В современной психологии представлены как естественно-научные, так и гуманитарные исследовательские программы, и любая попытка восстановления методологического монизма сделала бы психологическое познание беднее [1, с. 69].

Можно сказать, что и естественно-научное, и гуманитарное мышление реализуют разные позиции в познании, по-разному существуют в мире. Гуманитарное мышление и гуманитарное исследование воспринимают жизнь не отстраненно, а заинтересованно, ответственно, являясь частью той жизни, которую стремятся познать, описывать и созидать. Парадоксальным образом те моменты, которые для естественно-научного подхода становятся недопустимыми, сводящими на “нет” объективность исследования, при гуманитарном подходе являются условием изучения той или иной психологической проблемы и психологической реальности [1, с. 70]. Например, важны не устранение (как предлагает классическая парадигма естествознания) или не учет субъектности (согласно неклассической парадигме естествознания), а опора на субъектность и субъекта, общение и взаимопонимание с другим человеком, преобразование их сознания [там же, с. 71].

Реальная психологическая практика значительно шире теоретических представлений. Именно поэтому трудно себе представить обучение практике по книгам. Практику передают из рук в руки, при этом учат и пониманию теории в действии. Конечно, конкретная работа никогда не ограничивается воплощением какой-то одной теории, так как практика имеет дело с целостным человеком. И тогда возникает вопрос о специфике знаний и навыков, которые использует в практической работе психолог [там же, с. 74]. Представляется, что эта специфика и привела к возникновению психологической практики, не совпадающей с научной академической психологией. Практическое знание, практическая теория должны обладать действительной силой. Теории научной психологии этой силой непосредственно не обладают.

Еще одно требование к практической теории – она должна содержать в себе в явном или неявном виде целостное учение о человеке – антропологию, а не быть применением частной теории к частным случаям. Таким образом, получается, что

научная психология не может принять недоказуемость практических теорий и категорий, а практика критикует академическую, строгую психологию за бесплодность [там же, с. 75]. Соединение этих направлений возможно только при расширении наших представлений о научности, включении психологических категорий и подходов в гуманитарный контекст и осознании психотехнической, конструируемой природы психологической реальности как предмета психологии [там же].

Для соединения академической и практической психологии важным является то, что научная психология, критическая мысль необходима практике. В первую очередь она нужна для осмысления своего инструментария, соотнесения его с провозглашенными целями и ценностями, повышения собственной критичности и самосознания, избавления от наивной мифологичности и манипулятивности [2, с. 75]. Необходимо отметить, что практика может получать эффективную поддержку от фундаментальной науки только в той степени, в какой последняя успешно развивается и способна решать крупные, принципиальные задачи [3, с. 15].

Говоря о научной психологии, важно подчеркнуть, что разработанные методики, приемы экспериментирования составляют “золотой фонд” психологической мысли и являют собой пример творческих, талантливых находок и изобретений. Искусство психологического эксперимента состоит в создании таких условий, при которых до некоторой степени разворачивается скрытая в обычном режиме сознания деятельность. В этом заключается и сила, и слабость эксперимента. Искусственность условий вызывает необычные режимы работы сознания и позволяет фиксировать психологические феномены. Но та же искусственность ставит вопрос: а не создаем ли мы сами эти феномены в данных условиях? В обсуждаемом контексте важно отметить следующее: придуманные психологические ситуации исследования уникальны по своим возможностям преобразования психологического опыта. И за редким исключением они реально соответствуют логике гипотетико-дедуктивного вывода, который предлагается в работах по планированию эксперимента [7, с. 72]. Логика факторов и переменных, столь популярная в современной психологии, едва ли отражает происходящее в процессе исследования. Неслучайно в последнее время в отечественной психологии возобладало уже не экспериментальное исследование, а изучение корреляций между переменными, по существу, между данными отдельных методик. Работа по осмыслению психологического экспериментирования и логики психологического исследования еще не проведена. Остаются вопросы и о том, что из себя представляют сформулированные в психологии законы, о единообразии понимания законов в разных типах исследований.

В статье Журавлева и Ушакова убедительно показано, что одним из путей взаимодействия фун-

даментальной науки с практикой является решение острых макропсихологических проблем современного российского общества. Реформы, которые происходили в нашем обществе, наглядно показали, что многие экономические и социальные планы не реализуются, если не учитываются психологические факторы и особенности населения [там же, с. 13]. Поэтому перед психологией стоит важная задача оценки психологического состояния общества в целом и отдельных социальных групп в частности, создание механизма, регулирующего взаимодействие административных решений и социального поведения людей.

Большой позитивный смысл статьи А.Л. Журавлева и Д.В. Ушакова состоит в том, что показаны конкретные направления, ситуации и сферы интеграции фундаментальной науки с практикой. Более того, обосновывается вывод о том, что разрыв ряда областей фундаментальной психологической науки и практики не стоит абсолютизировать. Это закономерный этап развития психологического знания [там же, с. 12]. Как справедливо указывает А.В. Юревич, все названные причины можно свести к одному знаменателю, которым является не кризис самой науки, а кризис системы ее взаимоотношений с обществом, появлением острых макропсихологических проблем, в решении которых активная роль принадлежит психологической практике [8]. Независимо от того, в чем видятся причины подобного размежевания, дальнейшее прогрессивное развитие исследований обещает привести к сближению этих двух частей знания [3, с. 12]. Под-

нятая тема ставит много новых проблем и ориентирует на проведения новых исследований.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айламазьян А.М. Реплики к дискуссии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 68–76.
2. Данилова В.Л. Проблема субъекта познания // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 77–84.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная наука и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 31. № 3. С. 5–16.
4. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Московского университета; Издательский центр "Академия", 2004.
5. Мазилев В.А. Методологические проблемы психологии в начале XXI века // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
6. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО "МОДЭК", 1999.
7. Розин В.М. Психологическая реальность как проблема цехового самоопределения // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1. С. 90–103.
8. Юревич А.В. Методология и социология психологии. М.: ИП РАН, 2010.

## PSYCHOLOGY ON ITS WAY TO SCIENCE AND PRACTICE INTEGRATION

**T. A. Zhalagina\*, E. D. Korotkina**

*\*Sc.D. (psychology), professor, head of psychology of labour,  
organizational and clinical psychology chair, TSU, Tver;*

*\*\*PhD, assistant professor, pedagogy, social work and social psychology chair, TSU, Tver.*

Peculiarities of the present-day period in interaction of fundamental psychology and professional practice are considered. Social and methodological reasons of segregation of research psychology from practical one are analyzed. The necessity of search and discussion for new models of psychological knowledge's practical use is grounded.

*Key words:* fundamental psychology, psychological practice, interaction, local and synthetic model, type of scientific knowledge, experiment.